

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-58-73

УДК 94 (410)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМИГРАЦИИ БЕДНЯКОВ В АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЕ 1850–1884 гг.

Шабунина Анастасия Константиновна

Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия

shabunina@bk.ru

Аннотация. Изучение репрезентации эмиграции бедняков в данной статье проведено через призму дискурс-анализа. Его компоненты были внедрены при анализе трансформации у викторианцев образа эмиграции как отдельной социокультурной практики. Как инструмент теоретического анализа, практики в направлении новой социальной истории допускают приобщение к исследованию дискурсивных методов. Цель данной статьи – выявление факторов, которые влияли на репрезентацию социальной проблемы бедности в средневикторианской Англии, на примере эмиграции как социокультурной практики. К исследованию были привлечены ранее не охваченные отечественной историографией материалы викторианской английской прессы, в том числе региональной. На основе анализа газет как специфического источника по истории общественного мнения показана многозадачность практики миграции для викторианцев в контексте снижения социальной напряженности, практической реализации политико-экономических учений, формирования образа домашних колоний, распространения ценностных концептов метрополии в колониях. Доказывается, что оценка миграций была подчинена дихотомии дискурсов об «одобряемом» и «порицаемом» бедняке. Результаты исследования демонстрируют, что в 1850–1884 гг. эмиграция выступает популярным и одобряемым социумом фактором поддержания социальной стабильности. Она способствовала утверждению ценностных оснований английского общества в домашних колониях и в целом находила широкую поддержку в газетах, публикационная деятельность которых транслировала эмиграционную пропаганду.

Ключевые слова: эмиграция, бедность, пауперы, газеты, дискурс, викторианская Англия, новая социальная история, социокультурная практика.

Цитирование: Шабунина А.К. Репрезентация эмиграции бедняков в английской прессе 1850–1884 гг. // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 58–73. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-58-73 / Shabunina A.K. Representation of Poor Emigration in the English Press 1850–1884, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 2. Pp. 58–73. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-58-73.

© Шабунина А.К., 2024

REPRESENTATION OF POOR EMIGRATION IN THE ENGLISH PRESS 1850–1884

Shabunina Anastasia K.

Institute of World History RAS

Moscow, Russia

shabunina@bk.ru

Abstract. The analysis of the representation of the emigration of the poor in this article is carried out through the prism of discourse analysis, the components of which were introduced into the historical reconstruction of the image of sociocultural practice, as a tool for theoretical analysis of the current direction of new social history. The purpose of this article is to identify factors that influenced the representation of the social problem of poverty in mid-Victorian England using the example of emigration as a sociocultural practice. The study involved materials from the Victorian English press, including regional ones, previously not covered by domestic historiography. Based on the analysis of newspapers as a specific source on the history of public opinion, the multitasking practice of migration for the Victorians is shown in the context of: reducing social tension, practical implementation of political and economic teachings, creating an image of home colonies, disseminating value concepts of the metropolis in the colonies. It is proved that the assessment of migration was subordinated to the dichotomy of discourses about the “deserving” and “undeserving” poor. The results of the study demonstrate that in 1850–1884. emigration is a popular and socially approved factor in maintaining social stability. It contributed to the establishment of the value foundations of English society in the home colonies and generally found wide support in newspapers, reflecting a kind of emigration propaganda in society.

Keywords: emigration, poverty, paupers, newspapers, discourse, Victorian England, new social history, sociocultural practice.

Крупные миграционные процессы и связанные с ними социальные последствия традиционно находятся в фокусе гуманитарных исследований. В рамках современной парадигмы исторического знания эмиграция как многофакторная социальная практика не только позволяет рассмотреть вопросы экономических, социальных и политических следствий миграции, но и допускает реконструкцию специфики культурного восприятия и поведенческого императива современников. Целью исследования, отраженного в материалах данной статьи, становится рассмотрение факторов, которые влияли на репрезентацию социальной проблемы бедности средневикторианской Англии, на примере эмиграции как отдельной изучаемой социокультурной практики. Новизна исследования связывается с рассмотрением проблемы эмиграции бедняков через призму аксиологического подхода, учитывает влияние викторианских моральных концептов и дискурсивных оценок пауперов в вопросе репрезентации миграции.

Исследование основано на анализе выпусков газет из коллекции «Британской национальной библиотеки» («The British Library», UK). Пресса выступает специфическим и зачастую ведущим источником при изучении социальной истории Англии XIX в. Газеты в это время становятся основным пространством общественных дискуссий, отодвигая на второй план журнальную полемику, памфлеты и листовки как в локальном, так и общеанглийском информационном пространстве. Викторианская пресса, показывающая свой наибольший рост во второй половине века, размещала на своих страницах репрезентацию наиболее острых вопросов социальной жизни, отражала рефлексию современников.

Разветвленная историография проблем эмиграции британцев XIX в. преимущественно охватывает экономические, статистические и демографические аспекты влияния миграционных процессов на социальную жизнь в метрополии. Однако в последние годы на первый план выходит вопрос культурной репрезентации эмиграции, который был актуализирован в работах Т. Вагнер [Wagner, 2016] и М. Руис [Ruiz, 2018]. В исследованиях авторов миграция выступает многофакторным процессом, требующим системного анализа, который позволяет изучить рецепцию в английском обществе транснациональных перемещений и трансформацию культурных связей в XIX в.

Теоретическим основанием данного исследования выступила новая социальная история. Данный подход позволяет рассмотреть эмиграцию как социокультурную практику и реконструировать восприятие проблем эмиграции бедняков через культурный код викторианцев, иерархию ценностных концептов и строгие оценочные фильтры морали. Вместе с тем опыт постнеклассических исследований позволил внедрить компоненты метода дискурс-анализа, что на выборке материалов английской прессы показало влияние дискурсов «о бедности» на репрезентацию и оценку эмиграции.

Миграция в викторианскую эпоху привлекает внимание исследователей в первую очередь за счет масштабов явления. Между 1821 и 1915 г. из Европы эмигрировало

44 млн человек, из них 10 млн уехали из Великобритании [Woods, 1995, р. 10–11, 21–22]. Миграционный процесс, вошедший в историографию как «огромный англоязычный исход» [Flint, 2009, р. 14], стал одной из глобальных эмиграций в истории. Она породила новые типы коммуникации, вызвала культурные трансферы и оформила новый «англо-мир». С 1851 по 1870 г. около 5,3 млн человек покинули Британские острова (из них 3,5 млн уехали в Соединенные Штаты, 1 млн в Австралию, 0,5 млн в Канаду) [Хобсбаум, 1999, с. 273].

Как подчеркивает исследователь С. Шепперсон, «эмиграционная активность рабочих усиливается в начале 1840-х гг.; в сознании рабочих это был путь в прошлые времена – в “старое доброе время”, где промышленное производство не отнимало у них дополнительный доход, рабочие воспринимали эмиграцию как путь к простой и счастливой жизни» [Shepperson, 1953, р. 179–180]. Одним из способов снижения социальной напряженности в стране становится эмиграция, ставшая наиболее простым и эффективным средством борьбы со следствиями бедности. Отмечу, что если в начале 1850-х гг. эмиграция воспринималась как форма бегства из Англии к «лучшей жизни», то к концу рассматриваемого периода она выступала одним из способов снижения социальной напряженности; помогала бороться с безработицей и низкой заработной платой; выполняла функцию социального клапана, позволяя нивелировать протестные выступления бедных – наиболее радикальных – слоев рабочих классов. Миграция выступала формой выхода из неразрешаемого трудового конфликта для рабочих узких специальностей, а сам «эмиграционный фактор стал сдерживающим звеном социального компромисса, универсально действующим на все слои рабочих классов как в периоды промышленного подъема, так и в периоды стагнации производства» [Шабунина, 2023, с. 262]. Промышленная революция, внедрение паровой энергии и удешевление стоимости перевозок способствовали расширению способов коммуникации и перемещения людей по миру, открывая новые возможности социальной трансформации. Меняется и мотивация к переезду. Так, первая крупная волна (1845–1854 гг.) была формой бегства от «великого голода» 1840-х гг. и стала ответом на актуализированную проблему перенаселенности. Однако уже с конца 1850-х гг. эмиграция, как и обратная миграция, становится привычной повседневной практикой викторианца. С 1850-х гг., когда можно говорить об относительной экономической стабилизации, на темпы миграции влияет ряд факторов, связанных с ситуацией на рынке труда Англии. Востребованными стали и сезонные работы, и многолетние разработки месторождений полезных ископаемых (в том числе во время т.н. «золотой лихорадки»); появились высокооплачиваемые рабочие места в новых отраслях промышленности быстро развивающихся США, Канады, Австралии.

Ранневикторианский период был отмечен поиском форм и условий организации переселения бедняков; привлекал внимание как опыт в Бельгии и Голландии, так и проекты утопистов, прежде всего Р. Оуэна и его сторонников. Масштабы эмиграции виделись «доказательством огромных страданий, которые поразили большую часть народа Англии» [Wolverhampton..., 1853, р. 2]. Значительное влияние

на интенсификацию эмиграционных процессов оказали популярные экономические теории, выраженные прежде всего в работах Д. Рикардо, Дж. С. Милля, Г. Фоссета. Историк Р.В. Клементс подчеркивает, что в 1840–1880-х гг. «прочно удерживалась доктрина, согласно которой была необходима эмиграция “излишков”, позволяющая улучшить благосостояние рабочих и способствующая развитию отраслей хозяйства как в Англии, так и в странах, принимающих эмигрантов» [Clements, 1955, p. 161]. Интеллектуальная элита Великобритании видела возможность снижения социальной напряженности и безработицы путем переселения в колонии невостребованных рабочих рук. Эмиграцию приветствовали Дж. С. Милль и Т. Карлейл, видя в ней «великую панацею, которая должна была решить множество “положений в Англии” — ряд проблем, в том числе перенаселенность, потенциальную угрозу революции, безработицу, бедность» [Piesse, 2016, p. 2]. Для представителей элитарного и среднего классов эмиграция выступала позитивным экономическим фактором, который создавал рынок сбыта товаров британской промышленности и поставлял сельскохозяйственную продукцию в метрополию.

В рецепции викторианцев можно выделить три основные теоретические модели домашних колоний в зависимости от того, как называли их сторонники и какое население планировалось разместить: 1) аграрные, прежде всего фермерские колонии для больных и инвалидов; 2) трудовые колонии для безработных и пауперов; 3) колонии-утопии для политических и религиозных меньшинств. В свою очередь фактические прецеденты организации и реализации «социально ориентированного» функционала в колониях позволяют для историка расширить проблемное поле изучения вопросов колониализма. В частности, колонии Британской империи могут рассматриваться и в контексте продолжения внутренней политики борьбы с бедностью [Arneil, 2019, p. 270]. Британский историк Б. Арнил подчеркивает: «Имперские колонии, безусловно, являются наиболее глубоким, обширным и продолжительным видом колонизации как проявление имперской власти над иностранными, но по существу домашние колонии в Британии были не продуктом внешней политики, а скорее внутренней социальной политикой, которая использовала колониализм, но обращалась внутрь себя, чтобы решить проблему маргинализованного населения. Многие из тех, кто предлагал создание таких колоний в Британии, утверждали, что они создадут счастье среди групп сограждан, которые живут несчастной жизнью на городских улицах» [Arneil, 2019, p. 271–272].

Своеобразный патриотический долг интеллигенции перед бедняками выражался в помощи эмигрантам, считалось, что «создание домашних колоний требует мудрости и знаний, а это задача величайшей трудности» [Suffolk Chronicle, 1841, p. 4]. Газеты подчеркивали: «Домашние колонии — это задача, к которой настоящий патриот с большей радостью приложит свое рвение и труд. Они приведут к уменьшению суммы страданий наших соотечественников. Нет другого предмета, которому оно [общество] было бы более благодарно публицисту, чем за то, что он обратил внимание на схему, способствующую одновременно ослаблению страданий, формированию производственных привычек, воспитанию культуры сердца

и души» [Wolverhampton..., 1853, p. 2]. Предоставив пространство для проживания, а особенно для труда, колония позволяла изолировать маргинализированные слои английского общества. В Британии утвердилась мысль, что «домашние колонии не излечат... они спасут самоуважение народа» [Glasgow Herald, 1857, p. 3]. Интеллигенция и представители среднего класса, предлагая для бедняков идею эмиграции в колонии, снабжали пауперов подробными планами по организации хозяйства. Колониальный проект мог трактоваться как технология «запланированного счастья», где строгое следование инструкциям, дисциплине и моральным нормам должно было обеспечить успех на практике.

Образ так называемых «домашних колоний» («home colonies») фигурировал на страницах периодической печати, популяризировался проповедниками и общественными деятелями, выступал как «обетованная земля» для искупающих вину праздности. Колониальные владения во внутрианглийском социальном дискурсе становились средством разрешения социальных проблем метрополии, а «эмиграция в сложившихся условиях играла роль клапана, позволявшего выпустить лишний пар», выступала регулятором социальной напряженности» [Всемирная история..., 2014, с. 67]. Прогрессивные мыслители различных политических и религиозных направлений (социалисты, либералы, протестанты, квакеры и гуманисты) рассматривали «home colonies» как эффективный инструмент разрешения целого спектра социальных пороков викторианского общества. Переселение бедняков виделось средством борьбы с последствиями промышленной революции и скорой урбанизации, среди которых особенно заметными были: пауперизм, «праздность» бедняков, преступность, алкоголизм, проституция, болезни и эпидемии. Как и тексты о необходимости, так и сообщения об отдельных перемещениях групп бедняков находились в фокусе общественного внимания викторианского общества. Типичным становится размещение на одной полосе, рядом с сообщениями о светской жизни и перечислением публичных мероприятий, таких, к примеру, сообщений: «Эмиграция лондонской бедности! Сто пятьдесят семей, в основном из Ист-Энда, вчера покинули лондонские доки и направились в Канаду» [Carlisle..., 1868, p. 5].

Общественные организации видели свою «цель в том, чтобы попытаться создать местные общества по всему Соединенному Королевству, чтобы помочь всем людям, которые склонны эмигрировать из мест, где они не могут найти работу, в страну, полную изобилия» [Morning Chronicle, 1852, p. 2]. Считалось, что «в свободных поселениях нищий рабочий живет сначала на заработную плату, через короткое время становится арендатором жилища и земли, которую он ввел в обработку, а полученные доходы рабочего постепенно возвращают его от нищеты и праздности к необходимым привычкам и сравнительному достатку. Так безрассудный, покинутый всеми нищий принуждается сначала дисциплиной, следует путем трудолюбия и воздержания, а затем побуждается следовать этому курсу из чувства интереса и ощущения улучшения своего состояния, как морального, так и внешнего» [Wolverhampton..., 1853, p. 2].

В пространстве социальных практик викторианцев эмиграция была вписана в дискурс о «поощряемом» и «порицаемом» бедняке, что в более широком аксиологическом ракурсе связывалось с дихотомией «труд» – «бедность». Тексты об эмиграции пронизаны оценочными концептами о «достойных» и «недостойных» бедных («deserving» – «undeserving poor» [Hirota, 2017, p. 14]), где «одобряемый» бедняк демонстрировал положительные социальные качества с точки зрения морали и этики в рамках ценностных оснований викторианского социума.

Своеобразная пропаганда эмиграции совпадает с рассматриваемым средневикторианским периодом. И если в начале 1850-х гг. газеты задавались вопросом «каковы наилучшие средства для возвращения нашего потерянного населения?» [John Bull, 1852, p. 12], то к 1870-м гг. практика переезда закрепляется и становится повседневным фактором социокультурного пространства. В середине века продолжались поиски теоретических обоснований эмиграции. Их находили в учениях экономистов, а аргументы в пользу переезда брали из экономических расчетов о выгоде всей империи, в которых сопоставлялся объем ресурсов колоний с необходимостью переселения рабочих рук в отдаленные регионы. Газеты призывали к объединению всех общественных сил и использованию инструмента миграции в духе идей практицизма – как для разрешения внутренних социальных проблем, так и для укрепления общеимперского пространства. Предлагалось «предпринять некоторые общие усилия, чтобы избавить налогоплательщиков от постоянной поддержки трудоспособных бедняков, особенно потому, что в наших колониях существует такой растущий спрос на рабочую силу. Пауперизм сейчас быстро приближается к тому состоянию, которое политические экономисты называют его естественным состоянием» [Armagh Guardian, 1852, p. 4]. На собраниях обществ филантропов принимались резолюции, публикующиеся в газетах, которые призывали к поддержке эмиграции: «В Королевстве переизбыток населения и во многих колониях недостаток рабочих классов, и такое положение вещей требует немедленной и действенной помощи метрополии» [Morning Chronicle, 1852, p. 2].

Основные дискуссии 1850–1860-х гг. разворачивались вокруг финансовой помощи переезжающим, тогда как колонии репрезентовались готовыми принять переселенцев, продолжением «дома» на другом континенте. Газеты подчеркивали, что «колонии Великобритании во всех целях эмиграции являются сотрудничающими и дружественными частями одной всеобъемлющей империи, а не антагонистическими и соперничающими государствами» [Marylebone Mercury, 1869, p. 2]. При этом в рабочей прессе активно обсуждались проекты национальной схемы эмиграции, которая, однако, не была выработана. Для системы мер социального компромисса в сознании рабочих эмиграция выступала запасным вариантом и использовалась, когда другие меры давления в производственных отношениях оказывались неэффективными. К 1868 г. в рабочей прессе прочно утвердилось мнение о том, что «...эмиграция для нас – это предохранительный клапан для предотвращения падения материального уровня жизни в период депрессии, в случае если политика

профсоюзов оказалась бездейственной» [Bee-Hive, 1868, p. 3]. Рабочие преимущественно приветствовали практику, видя в ней «единственную надежду на улучшение условий труда в Англии — это удаление избыточных рабочих рук через эмиграцию» [Bee-Hive, 1869, p. 5]. При этом эмиграция была популярной мерой не только среди городских рабочих, но и работников в сельской местности, чьи профсоюзные организации в средневикторианский период организационно значительно отставали от объединений в промышленных центрах. Газеты, поддерживая эмиграцию сельскохозяйственных рабочих и бедняков, в провинции использовали аргументы о перенасыщенности рынка труда; подчеркивалось, что «бедность сельскохозяйственных рабочих в некоторых частях страны была не временной, а хронической. Конкуренция снижала заработную плату до уровня, которого едва хватало, чтобы прокормить самого рабочего» [Bell's..., 1870, p. 2]. На это организации рабочих при помощи обществ филантропов отвечали ведением эмиграционной агитации в демократической прессе и рабочих листках. В 1860-х гг. прочно утвердилась точка зрения, что «эмиграция проникает в корень и устраняет бедность» [Frome Times, 1869, p. 3]; более того, она считалась «модным предложением лечения пауперизма» [Norfolk News, 1869, p. 5]. Аксиоматичное значение приобрело мнение, по которому «абсурдно сомневаться, эмиграция определенно полезна, особенно там, где эффективные люди голодают дома» [Norfolk News, 1869, p. 5], в связи с чем перед читателем газет оформлялась и популяризовалась следующая задача: «целесообразно принять меры по облегчению эмиграции бедных семей в британские колонии» [Bell's..., 1870, p. 2].

На фоне «хлопкового голода» (1861–1865 гг.) и усиления миграций бедняков, в 1870-х гг. происходит окончательное утверждение функционала социальной практики: «эмиграция призвана облегчить бедственное положение рабочего класса и остановить рост пауперизма» [Bell's..., 1870, p. 2]. Считалось, что «эмиграция облегчила бы немедленное давление на рынок труда и в не очень отдаленном периоде привела бы к увеличению количества рабочих мест в стране» [Bell's..., 1870, p. 2]. Вместе с тем миграцию бедняков можно трактовать и как многофакторное социокультурное явление, как для социальных процессов метрополии, так и в ракурсе распространения национальной идентичности, «английскости» («englishness») в контексте империи.

В рецепции викторианцев миграция для всего «пространства» империи должна была решать двуединую задачу. Во-первых, с расширением имперской пропаганды все чаще раздавались призывы о помощи метрополии колониям, декларировалось, что «в Королевстве переизбыток населения и во многих колониях недостаток рабочих классов, такое положение вещей требует немедленной и действенной помощи метрополии» [Morning Chronicle, 1852, p. 2]. Во-вторых, переезд должен был «помочь всем людям, которые склонны эмигрировать из мест, где они не могут найти работу, в страну, полную изобилия» [Morning Chronicle, 1852, p. 2]. Эмиграция репрезентовалась также, с одной стороны, как способ спасения себя (в общей концепции «self-made») и общества от социальных пороков;

с другой стороны, как форма миссионерского служения империи, которое способствовало утверждению культурно-языкового пространства британского мира. В свою очередь именно язык выступал инструментом «для продвижения уникальных ценностей культуры нации» [Ruiz, 2018, p. 126]. Считалось, что «метрополия должна рассматриваться в целом» [South..., 1869, p. 4], а эмиграция бедняков должна была нести в себе и продолжать английские ценности – моральные концепты «дома».

Эмиграция «как моральное спасение» к концу 1870-х гг. виделась поддержанием нравственности в колониях. Считалось, что воспитание женщины, брачные узы и стремление к созданию образа «малой Англии» в границах домашнего очага должны были способствовать переносу и сохранению английских культурных норм, воспитанию в семье одобряемых поведенческих моделей. Здесь образ «правильного» бедняка сочетался с образом благочестивой женщины в категориях строгой викторианской морали. Эмигрантки должны были «принадлежать к тому классу, который известен как способный, – работающих дам, готовых и желающих переносить суровую жизнь, полную сложностей. Женщин, которые обладают всеми необходимыми знаниями, которые помогут им привнести в свой дом счастье и создадут комфорт для находящихся вокруг них домочадцев» [Willesden Chronicle, 1880, p. 3]. Размещение эмиграции в «одобряемом» секторе социальной морали делало переезд, несмотря на ряд рисков, привлекательным в рамках оценки нравственности женщин-пауперов, тогда как ассоциация женщины с бродяжничеством продолжала иметь исключительно негативные коннотации. Подчеркивались и такие значимые качества, как трудолюбие и умение вести домашнее хозяйство, воспринимавшиеся как противоположный полюс пороков – тех порицаемых пороков социального дна, в которых элитарные слои английского общества середины века продолжали видеть причину бедности и конфликтогенности городской среды Англии.

Массово публиковались сообщения об успешном эмиграционном опыте, описанию которого отводились отдельные полосы газеты. В них также фиксируется указанное ранее дихотомическое восприятие бедняков. Так, паупер, эмигрировавший в Канаду, в своем интервью указывает: «Конечно, есть недостатки – и в какой стране их нет, но их уравнивает общее процветание, ожидающее трезвых, трудолюбивых и настойчивых» [London..., 1871, p. 3]. Косвенно подчеркивается, что стратегии бедняка, демонстрирующего социально одобряемые качества, позволяет ему добиться успеха при переезде: «Примеры процветания, с которыми я встречался, были многочисленными, вероятно, три четверти представителей здешнего высшего и среднего классов поднялись с самых низов... Здесь нет рабочих домов или каменных складов. Все магазины, торгующие винными напитками, закрыты все воскресенье, и это дает заметные хорошие результаты. Я, сэр, по личным наблюдениям полностью удовлетворен преимуществами эмиграции. Мне бы очень хотелось увидеть создание клубов эмиграции и обществ в большинстве приходов. Я убежден, что для улучшения положения

трудоспособной бедноты никакой другой способ не является столь эффективным и постоянным, как эмиграция в наши колонии» [Stratford..., 1871, p. 4]. Газеты формировали идеализированный образ колоний, где «правильный» бедняк мог найти пространство самореализации, где могли реализоваться одобряемые с точки зрения викторианской морали ценностные основания.

Негативные оценки эмиграции в газетах редки. Причину этого исследователь Т.С. Вагнер видит в том, что «неудавшаяся эмиграция была неудобной темой, которую обычно обходили стороной в публичных дискуссиях по вопросу эмиграции. Те, кто возвращался разочарованным в своих приключениях за границей, считались “нежеланными из нежеланных”. Их возвращение ставило под сомнение политику правительства в отношении “лишних” членов общества, одновременно подрывая концепцию переноса английской семейной жизни за границу» [Wagner, 2016, p. 2–3]. Можно фиксировать два основных направления критики по отношению к эмиграции в средневикторианской прессе: первая, «ностальгическая», связывается с разрывом старых культурных связей; вторая, «прагматическая», стала продолжением анализа экономических следствий эмиграции в условиях расширения пропаганды.

В первом случае, несмотря на признание практики переезда в частном пространстве как проявления общего блага, к 1860 г. утверждается мнение, что эмиграция необходимая, но все же болезненная мера. Критика здесь была вписана в востребованные викторианцами культурные концепты «дома», который неизбежно распадался при переезде членов семьи. Процесс конструирования образа королевы Виктории как «матери-императрицы» подданных на всех территориях способствовал переносу восприятия типичных и понятных демократическим слоям общества «домашних» ценностей на процессы в империи, в том числе и миграционные. Считалось, что «расставание в семье — одно из самых болезненных испытаний человеческой природы. Когда целая раса вынуждена покинуть холмы и долины своих предков, то становится больно не только эмигрантам, но и любому искренне сочувствующему внутренним печалям своих собратьев. В наши дни слишком часто высмеивают душевные привязанности и заменяют их не чем иным, как политической экономией и вопиющими социальными теориями. Одной из общих “необходимостей времени”, которая навязывается низшим классам во всех возможных проявлениях и формах сторонниками политической экономии, является эмиграция. “Идите, — говорят эти люди, — вашу культуру ждут благородные земли — она хочет обеспечить вас”. Что это значит? На самом деле это означает: “Вам здесь нет места — нам не нужен ваш труд, и если вы хотите жить, уходите отсюда»» [Bayswater Chronicle, 1860, p. 3]. В этом ракурсе можно говорить о существовании конфликта в рецепции эмиграции: с одной стороны — экономическая необходимость, подержанная политико-экономическими учениями и прессой, с другой стороны — традиционные ценности, ориентированные на поддержание морального духа семьи и сохранение образа «старой доброй Англии». Описанный конфликт стал аргументом и для радикальных статей рабочей прессы, использующей ценностно

значимую для бедняков категорию «дом». Газета замечает: «Почему трудящиеся Англии бегут из страны своего рождения, как если бы она была поражена чумой? При всем нашем процветании торговли, при значительном увеличении нашего богатства, несмотря на многочисленные триумфальные песни, которые мы поем, чтобы продемонстрировать наш чудесный прогресс как нации, массы нашего народа, похоже, поняли, что Англия не является для них безопасным домом, и изо всех сил стараются уйти настолько быстро, насколько позволяют их ограниченные средства» [Bee-Hive, 1872, p. 9].

Второе направление критики было связано с анализом категорий эмигрирующих и было в большей степени свободно от аксиологической оценки миграции как культурного процесса. Поднимается вопрос о значении исхода «одобряемых» трудоспособных бедняков. В данном ключе видна совершенно иная риторика, заметная преимущественно в элитарной прессе: «Нет времени закрывать глаза на тот факт, что мы хотим избавиться от нашего человеческого мусора, в то время как колонии были бы рады заполучить наших лучших людей — молодых, сильных, здоровых мужчин и женщин, но мы хотим сохранить их себе» [Midland..., 1869, p. 4]. Обратная точка зрения касалась эмиграции «порицаемых» бедняков. Газеты, обращаясь к правительству и общественности, актуализировали этот вопрос перед государственными органами: «Использовать или что-то делать со слабыми, беспомощными классами, настоящими отбросами населения — это проблема наших государственных деятелей, и мы надеемся вскоре увидеть ее смело и эффективно решенной» [Kings..., 1869, p. 4].

Вместе с тем эмиграция значительной части бедняков могла вызывать тревогу у викторианцев. Газеты задаются вопросом: «В интересах нации принесет ли пользу отправка на зарубежные берега столь большого количества людей, имеющих силы и навыки, которые позволят увеличить иностранные ресурсы?» Нельзя сказать, что в рассматриваемый период были предложены какие-либо социальные фильтры для ограничения миграции трудоспособных бедняков. Пресса лишь призывает обратить внимание на категории эмигрантов, подчеркивает, что уезжают преимущественно «бережливые, активные и продуктивные члены общества — люди крепких мускулов, умелых рук и неудержимые духом. Это сила нации». В отъезде «одобряемых» бедняков видели две основные угрозы для Англии: во-первых — усиление конкуренции во внешнеполитической торговле, во-вторых — нарастание ревности и антагонизма к англичанам, «и без того слишком распространенных среди местного населения» [Norfolk News, 1869, p. 5]. Однако, показывая возможность негативных следствий эмиграции, газета середины века признает, что «бесполезно пытаться остановить волну эмиграции. Она растет и будет расти. Каждый успешный эмигрант обладает силой притяжения и тянет за собой других» [Norfolk News, 1869, p. 5].

Представители среднего класса неоднократно вносили предложения о создании при парламенте отдельного «Совета по эмиграции». Проекты и предложения порождали значимые обсуждения в прессе, где основные дискуссии

разворачивались вокруг широты функционала, порядка, объема и размера ссуд, выделяемых на эмиграцию. Итоговому документу, который был направлен в парламент, предшествовали длительные обсуждения на локальном уровне. Зачастую они проводились под руководством представителей церкви или проповедников, которые облекали идею эмиграции (как проявление филантропии) в душеспасительный дискурс.

Типичными случаями становится включение тематики эмиграции в проповеди, сообщения о которых публиковались в прессе. Как отдельный жанр оформилась «проповедь об эмиграции», в которой евангелическое содержание соединялось с христианской филантропией, идеей общего блага, задачами миссионерства и восприятием эмиграции как проявления практицизма. Так, в феврале 1880 г. преподобный Р.Э. Бристоу в Кенте закончил свою проповедь словами, что «эмиграция является единственным лекарством от некоторых серьезных проблем, связанных с перенаселением Англии в настоящее время» [Kentish Mercury, 1880, p. 6]. При этом дискурс об одобряемом бедняке и его моральных качествах переплетался с миссионерскими задачами колонизации. Считалось, что эмигранты должны были «нести свет Евангелия язычникам, показывая, насколько важно сначала евангелизировать наш собственный народ, чтобы он был примером не порока, а христианской добродетели для окружающих язычников» [Marlborough Times, 1886, p. 4]. Эмиграция выступала многофакторным процессом, задача организации которой находилась в фокусе внимания общественности отдельных локусов. Эмигрантские проповеди становились событием, которое приковывало внимание жителей провинциальных городов. Типичной практикой становилось размещение объявлений о них рядом с разделами о светской жизни. Так, на одной из проповедей в Челтнеме (Глостершир) присутствовало «огромное количество людей, было объявлено, что будут присутствовать колонисты, которые собираются приступить к основанию Кентерберийского поселения в Новой Зеландии. Присутствовали лорды и джентльмены, интересующиеся эмиграцией и колонизацией, среди которых были лорд (чьим именем будет назван главный город нового поселения), граф Нельсон, лорд Уорнклифф и т.д.» [Cheltenham Chronicle, 1850, p. 4].

Таким образом, к концу рассматриваемого периода эмиграция в рецепции викторианцев утвердилась как «наиболее благоразумный и мирный путь улучшить бедным рабочим свое социальное положение, хотя это путь крайней необходимости» [Trade Circular, 1880, p. 3], усиливалась пропаганда эмиграции среди рабочих и бедняков. В условиях снижения темпов промышленного производства конца века и радикализации социального протеста, эмиграция среди интеллектуалов фиксируется и как практика, защищающая политический строй. В 1883 г. Дж. Китто, рефлексируя над итогами и значимостью эмиграции как социальной практики, отмечал: «Необоснованное предубеждение против эмиграции должно быть в значительной степени устранено, сейчас среди рабочего класса преобладает общее понимание преимуществ, которые представляют колонии. Признаю, должен быть гораздо больший

отток избыточного населения с наших островов, чтобы в значительной степени способствовать силе и стабильности нашей Конституции. Люди, которые выражают свое здоровое негодование, могли бы получить поощрение, обратившись к богатству возможностей наших колоний, вместо того чтобы оставаться дома в праздности, нищете, недовольстве и разорении» [London..., 1883, p. 3].

Практика эмиграции на всей протяженности средневикторианского периода продолжала восприниматься сквозь призму ценностной оценки бедняков современниками, и к середине 1880-х гг. в восприятии викторианцев она утвердилась как привилегия для паупера. Ее были достойны те, кто наиболее соответствует одобряемому образу бедняка. Аксиоматичным стало мнение, что «при отправке эмигрантов в наши колонии следует проявлять большую осторожность, чтобы не отбирать никого из собственно класса бедняков, то есть тех, кто полностью потерпел неудачу в этой стране, никого из тех, кто страдает алкоголизмом или порочными привычками» [Gloucester Citizen, 1887, p. 3]. Подводя итоги, подчеркну: учитывание дискурсов о бедности в контексте изучения социокультурной практики эмиграции пауперов позволяет говорить о доминировании ценностных и аксиологических категорий при выстраивании миграционной пропаганды в средневикторианской Англии. Проведенное исследование позволяет говорить, что в рассматриваемый период эмиграция выступала социально одобряемым фактором снижения напряженности, способствовала распространению ценностных оснований английского социума в колониях и в целом была поддержана всеми слоями викторианского общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. Ред. Чубарьян А.О. М.: Наука, 2014. 940 с.

Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 480 с.

Шабунина А.К. Социальный компромисс в викторианской Англии. М.: Аквилон, 2023. 544 с.

Armagh Guardian. 1852. Aug. 7.

Arneil B. The Failure of Planned Happiness: The Rise and Fall of British Home Colonies // *Happiness and Utility*. London: University College London Press, 2019. Pp. 269–288.

Bayswater Chronicle. 1860. Oct. 31.

Bee-Hive. 1868. Feb. 29.

Bee-Hive. 1869. Dec. 25.

Bee-Hive. 1872. Oct. 12.

Bell's Weekly Messenger. 1870. Mar. 5.

- Carlisle Examiner & North Western Advertiser. 1868. Apr. 18.
- Cheltenham Chronicle. 1850. Sep. 5.
- Clements R.V. *Trade Unions and Emigration, 1840–1880*. London: Taylor & Francis, 1955. 390 p.
- Flint K. *The transatlantic Indian, 1776–1930*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 376 p.
- Frome Times. 1869. Apr. 7.
- Gloucester Citizen. 1887. July 12.
- Hirota H. *Expelling the Poor*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 302 p.
- John Bull. 1852. Sep. 4.
- Kentish Mercury. 1880. Feb 7.
- Kings County Chronicle. 1869. Apr. 21.
- London Daily Chronicle. 1871. Jan. 9.
- London Evening Standard. 1883. May 21.
- Marlborough Times. 1886. Feb. 6.
- Marylebone Mercury. 1869. Aug. 28.
- Midland Counties Advertiser. 1869. Apr. 21.
- Mill J.S. *John Stuart Mill on Ireland*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1979. 120 p.
- Morning Chronicle. 1852. June 1.
- Norfolk News. 1869. May 22.
- Piesse J. *British Settler Emigration in Print, 1832–1877*. Oxford: Oxford Press, 2016. 228 p.
- Ruiz M. *International Migrations in the Victorian Era*. Leiden: Brill, 2018. 584 p.
- Shepperson S. Industrial Emigration in Early Victorian Britain // *The Journal of Economic History*. 1953. Vol. 13. № 2. Pp. 179–192.
- South London Chronicle. 1869. July 4.
- Stratford-upon-Avon Herald. 1871. Jan. 13.
- Suffolk Chronicle. 1841. Dec. 18.
- Trade Circular. 1880. June 16.
- Wagner T.S. *Victorian Narratives of Failed Emigration*. London: Taylor & Francis, 2016. 596 p.
- Willesden Chronicle. 1880. Dec. 17.
- Wolverhampton Chronicle and Staffordshire Advertiser. 1853. Jan. 16.
- Woods R. *The Population of Britain in the Nineteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 88 p.

REFERENCES

- Vsemirnaya istoriya. Tom 5. Mir v 19 veke: na puti k industrial'noj civilizacii* [The World History. Vol. 5. The world in the 19th century: on the way to industrial civilization]. Ed. by Chubaryan A.O. Moscow: Nauka, 2014. 940 p. (in Russian).
- Hobsbawm E. *Vek kapitala. 1848–1875* [The Age of Capital. 1848–1875]. Rostov-on-Don: Feniks, 1999. 480 p. (in Russian).
- Shabunina A.K. *Socialnyj kompromiss v viktorianskoj Anglii* [Social compromise in Victorian England]. Moscow: Akvilon, 2023. 544 p. (in Russian).
- Armagh Guardian. 1852. Aug. 7.
- Arneil B. The Failure of Planned Happiness: The Rise and Fall of British Home Colonies, in *Happiness and Utility*. London: University College London Press, 2019. Pp. 269–288.
- Bayswater Chronicle. 1860. Oct. 31.
- Bee-Hive. 1868. Feb. 29.
- Bee-Hive. 1869. Dec. 25.
- Bee-Hive. 1872. Oct. 12.
- Bell's Weekly Messenger. 1870. Mar. 5.
- Carlisle Examiner & North Western Advertiser. 1868. Apr. 18.
- Cheltenham Chronicle. 1850. Sep. 5.
- Clements R.V. *Trade Unions and Emigration, 1840–1880*. London: Taylor & Francis, 1955. 390 p.
- Flint K. *The transatlantic Indian, 1776–1930*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 376 p.
- Frome Times. 1869. Apr. 7.
- Gloucester Citizen. 1887. July 12.
- Hirota H. *Expelling the Poor*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 302 p.
- John Bull. 1852. Sep. 4.
- Kentish Mercury. 1880. Feb 7.
- Kings County Chronicle. 1869. Apr. 21.
- London Daily Chronicle. 1871. Jan. 9.
- London Evening Standard. 1883. May 21.
- Marlborough Times. 1886. Feb. 6.
- Marylebone Mercury. 1869. Aug. 28.
- Midland Counties Advertiser. 1869. Apr. 21.
- Mill J.S. *John Stuart Mill on Ireland*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1979. 120 p.
- Morning Chronicle. 1852. June 1.
- Norfolk News. 1869. May 22.

- Piesse J. *British Settler Emigration in Print, 1832–1877*. Oxford: Oxford Press, 2016. 228 p.
- Ruiz M. *International Migrations in the Victorian Era*. Leiden: Brill, 2018. 584 p.
- Shepperson S. Industrial Emigration in Early Victorian Britain, in *The Journal of Economic History*. 1953. Vol. 13. № 2. Pp. 179–192.
- South London Chronicle. 1869. July 4.
- Stratford-upon-Avon Herald. 1871. Jan. 13.
- Suffolk Chronicle. 1841. Dec. 18.
- Trade Circular. 1880. June 16.
- Wagner T.S. *Victorian Narratives of Failed Emigration*. London: Taylor & Francis, 2016. 596 p.
- Willesden Chronicle. 1880. Dec. 17.
- Wolverhampton Chronicle and Staffordshire Advertiser. 1853. Jan. 16.
- Woods R. *The Population of Britain in the Nineteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 88 p.

Статья принята к публикации 19.04.2024